

18 октября

1979 года

ИЗВЕСТИЯ СОВЕТОВ НА

МУЖЕСТВО И НЕЖНОСТЬ

К 60-летию Мустая Карима

БЕГУТ годы. Седеют головы ветеранов Великой Отечественной войны, редет их строй. Но, как солдаты в сомкнутом строю, выстраиваются книги писателей, чьи судьбы и творчество и в празднике, и в беде были нерасторжимы с жизнью народа.

Вот и Мустаю Кариму шестьдесят... Я перелистываю его книги, словно листки календаря, в который впечатаны строки биографии нашего поколения, опаленные огнем сражений, студенными ветрами великих строев. У нее, у этой биографии, есть начало, но, верится, не будет конца, ибо жизни нашей, как заметил когда-то Маяковский, дано воплощаться «в пароходы, в строчки и в другие долгие дела».

А дела, требующие всех сил, полной самоотдачи, обступают Мустая Карима, не позволяя стариться. Сама жизнь и высокое чувство ответственности перед читателем по-прежнему зовут к чистому листу бумаги. Об этом прекрасно сказал сам поэт в одном из стихотворений: «А сам ты, влекомый волнами, что времени дал своему?»

Дал же Мустай Карим много. И сегодня он весь в творчестве, устремлен вперед. Время диктует новые строки, новые книги. Поэт и государственный деятель сливаются в них воедино.

Каждый истинный поэт неповторим. Каждый открывает чудо, не требующее для своего выражения крикливых деклараций. Их много, таких чудес, в книгах Мустая Карима.

Когда я думаю о нем, о своем друге, вспоминаю прежде всего юношеское стихотворение «Комсомольский билет». Поразительно, как сумел он тогда, в далеком 1938 году, предсказать, что произойдет с ним самим, командиром взвода связи противотанкового дивизиона, в 1942-м. Я держал в руках его комсомольский билет № 691553, пробитый осколком вражеского снаряда. Следы запекшейся крови на нем были, как родовые знаки поколения, из которого не многим довелось вернуться с войны. И еще я думаю, как обеднела бы наша сегодняшняя литература, если бы комсомольский билет не преградил путь осколку!

Мустай Карим, народный поэт Башкирии, давно перестал быть только национальным поэтом. Его книги издаются на многих языках у нас и за рубежом. Великий Пушкин мечтал о времени, когда «народы, распри позабыв, в великую семью соединятся». Для соотечественников Пушкина оно наступило, это время. Мы привычно называем его эпохой торжества ленинской национальной политики. И сама башкирская литература, рожденная при братской помощи русского народа, — результат этой политики.

С высоты Кляшевского холма, где раскинулся его родной аул, Мустай Карим увидел не только прихотливый бег реки Демы, не только серебряный слиток озера Ак-Манай в изумрудной оправе рощ и лугов. Сама Россия развернулась перед ним, позвала в дорогу. Об этом поэт никогда не забывает:

Не русский я, но россиянин.
Так навсегда зваться,
душа моя, гордись!
Пять жизней дай!
Им может поравняться
Моей судьбы единственная
жизнь.

Когда мы встретились впервые, нам не нужны были переводчики. За плечами нашего поколения была война, великие строки, в основание которых мы положили свои кирпичи. Мы хорошо понимали друг друга и знали великую цену словам «партия», «отечество», «хлеб», «любовь», «ненависть». В них мы вкладывали весь жар наших сердец. И снова я вспоминаю стихи Мустая Карима:

Глянь, как горят дрова,
Но, чтоб огонь был лих,
Сложили, друг, сперва
Мы воедино их.

Теперь эти стихи знают в Болгарии и Венгрии, Польше и ГДР, странах Ближнего Востока и за океаном, пьесы Карима идут во многих театрах. Вот и совсем недавно в газетах Чехословакии и Монголии были напечатаны рецензии на спектакли, поставленные по пьесам «Страна Айгуль» и «В ночь лунного затмения». Это — общая наша радость. Мустаю Кариму пришло письмо из США. Группа артистов самостоятельного театра поставила его комедию «Похищение девушки». Участники спектакля сообщили, что зрители остались очень довольны. Полмира изъездил Мустай Карим как полпред советской поэзии, и всюду, где побывал, у него остались друзья.

Время точно определяет место каждого в общем литературном строю, в каждом выделяет основные приметы его творчества. На долю Мустая Карима достались мужество и нежность. Действительно сердце его полнится любовью к людям. Оно верит в неизменность в человеке высоких чувств. Еще с войны М. Карим писал любимой, чтобы не верила в рассказы, будто «в камень от разлуки мужские превращаются сердца».

Когда бы сердце впрямь
окаменело
Среди боев без края
и числа,
Моя любовь, которой нет
предела,
Цветами бы на камне
расцвела.

Мужества и нежности с годами у Мустая Карима не побавилось. Но в книги его, как старшая сестра нежности, вошла мудрость. Поэт задумывается не над частностями, а над общими законами бытия. Прописные истины ему чужды. Ведь он — не только певец, но и пытливый собеседник. Он никогда не предлагает готовых решений, а идет к истине вместе с нами, читателями, веря в то, что и мы способны быть пытливыми искателями, что с нами можно разделить трудный и многосложный путь познания. Поэт убежден, что успех в любом деле не дается легко; литература же, как часть общественной жизни, должна способствовать закалке бойцов, рождать сеятелей, а не потребителей, она призвана будоражить умы,

развивать активность в борьбе добра со злом.

Во многих театрах страны идет пьеса Мустая Карима «В ночь лунного затмения». Я видел ее на трех сценах и в каждом спектакле открывал что-то новое — столь глубокий философский смысл этой трагедии. И хотя события ее происходят в далеком прошлом, но пьеса — о нас, о том, что каждому приходится решать сегодня. По такому же принципу написана и пьеса «Не бросай огонь, Прометей!», опубликованная в этом году в «Новом мире». Когда я читал ее, на память пришли давние слова М. Карима. Их можно было бы поставить эпиграфом к трагедии:

О, человек могуч!
Он держит ствол
вселенной...

Пьесы, поэмы, стихи Мустая Карима остроконфликтны, чужды назидательности, они исполнены веры в человеческие возможности. Поэт сказал о себе, что путь он определяет, «как по звездам — по сердцам людей», и потому бегут токи от его строки к нам. И потому книги его помогают нам стать чище и выше. Ведь они — о прекрасных людях, встретившихся автору в разных концах страны, в разных уголках земного шара и, конечно, прежде всего в родном Кляше, где он впервые увидел безбрежность неба над головой, услышал пение жаворонка.

В предисловии к одной из своих книг М. Карим сказал, что эта книга — «про людей, которые не изжили в себе веру в чудеса. Они — чудакоты, странные, неугомонные, наивные... Жизнь их чуть-чуть выше нашей каждодневной жизни... Терпимей и милосердней они друг к другу тоже немного больше обычного; обижать и осуждать кого-то не спешат. И смерть, и счастье эти люди принимают с достоинством». И тут же лукаво добавил: если кто-нибудь спросит, неужели жизнь сводила его только с такими удивительно пытливыми, неугомонными людьми, он ответит: «Я видел только таких, других как-то не запомнил». Это очень характерное для Мустая Карима признание.

Свой двухтомник избранных произведений, вышедший в Уфе десять лет назад, Мустай Карим закончил «Письмами товарищам по перу». Он обращался главным образом к молодым башкирским литераторам. «Не разрабатывая больших общественных тем, — писал он, — не утверждая словом и делом ведущих идей эпохи социализма, не отражая великих идеалов народа — идеалов его созидательного труда и борьбы, поэзия не может претендовать на звание большой поэзии. Берега захлестывает и крушит вал. Мелкая волна, игристый пенный барашек, гаснет, едва достигнет песчаной косы. Если людские сердца — высокий утес, то поэзия — море в бурю».

По этому закону живет и творит Мустай Карим, талантливый поэт, драматург, активный общественный деятель, верный сын своей страны.

Дм. ХРЕНКОВ.